

Слово о духовном делании, или Монах Евагрий Понтийский

Пролог. Послание к Анатолию.

Ты, возлюбленный брат Анатолий, недавно писал со Святой Горы мне, находящемуся в Ските, и просил, чтобы я разъяснил тебе символический смысл облачения египетских монахов, полагая, что не случайно и не без основания оно столь сильно отличается от одеяния остальных людей. И мы охотно сообщили тебе [все] относительно этого, [передав] то, что узнали от святых отцов.

Куколь есть символ благодати Спасителя и Бога нашего, лелеющей их младенчество во Христе и защищающей владычественное начало [души] монахов [от бесов], всегда старающихся нанести удары и раны [им]. Носящие куколь на голове поют со всей доступной им силой: «Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж» (Пс 126.1). Таковые гласы [псалмопения] внушают смирение и искореняют гордыню, то есть древнее зло, низвергшее на землю Денницу, восходящую заутра (Ис.14:12).

Обнаженность рук являет неллицемерность жития. Ибо тщеславие – ужасно; оно скрывает и покрывает тенью добродетели, всегда преследуя славу человеческую и изгоняя веру. «Как вы можете веровать, – говорит [Евангелист], – когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищите?» (Ин. 5:44). Ведь Благо должно быть избрано ради него самого, а не ради чего-либо иного, ибо если не допустить этого, то тогда побуждающее нас к деланию добра предстанет более ценным, чем [добро] совершившееся, – утверждение столь же нелепейшее, как и высказывание (или мысль) о том, что может быть нечто лучше Бога.

Опять же аналав, крестообразно переплетающий их плечи, есть символ веры во Христа, поддерживающей кротких, сдерживающей всегда то, что мешает им, и позволяющей им действовать беспрепятственно.

Пояс, сжимающий их чресла, отражает всякую нечистоту, о чем и возвещается [Апостолом]: «хорошо человеку не касаться женщины» (1Кор. 7:1).

Они имеют и милоть, поскольку всегда носят «в теле мертвость Господа Иисуса» (2Кор. 4:10), заставляя умолкнуть все неразумные страсти тела и пресекая сопричастном к добру [все] пороки души. И, возлюбив нищету, они избегают корыстолюбия как матери идолослужения.

Жезл – «древо жизни для тех, которые приобретают ее [мудрость], – и блаженны, которые сохраняют ее!» (Притч.3:18).

Символом этих вещей, в сжатом изложении [нашем], и является [монашеское] облачение. Им соответствуют и речения, повторяемые постоянно [святыми] отцами: «Чада! Веру укрепляет страх Божий, а его – воздержание. Воздержание делают непоколебимым терпение и надежда, от которых рождается бесстрастие; отпрыском же бесстрастия является любовь, а она есть дверь в естественное ведение, наследниками которого являются богословие и конечное блаженство».

Итак, на настоящее время достаточно сказано о священном облачении и научении старцев. Сейчас приступим к повествованию о жизни, посвященной духовному деланию, и о жизни, посвященной ведению, [излагая] не все, что мы видели и слышали [от старцев], но то, что согласно их учению можно говорить другим. Поэтому то, что относится к [духовному] деланию, мы сжато изложили [в сочинении], разделенном на сто глав, а то, что относится к ведению, – [в двух других, состоящих из] пятидесяти и шестиста глав. При этом мы кое-что утаили, а кое о чем высказались прикровенно, дабы "не давать святыни псам и не бросать жемчуга... перед свиньями» (Мф. 7:6). Но это будет ясно тем, кто следует по стопам старцев.

Слово о духовном делании

1. Христианство есть учение Спасителя нашего Иисуса Христа, состоящее из деятельного, естественного и богословского [любомудрия].

2. Царство Небесное есть бесстрастие души, совокупное с истинным ведением сущих.

3. Царство Божие есть ведение Святой Троицы, сосуществующее и распространяющееся вместе с [внутренним] устроением ума, а также выходящее за пределы нетления его.

4. Если кто-нибудь что-то любит, то этого он, разумеется, добивается и борется, чтобы получить его. Всякое же наслаждение начинается с желания, а желание порождается чувством, ибо лишенное чувства свободно и от страсти.

5. Против отшельников бесы борются сами, а против тех, кто добивается добродетели в киновиях и братствах, они вооружают наиболее нерадивых из братии. Но вторая брань намного легче первой, потому что на земле нельзя найти людей, которые были бы более жестокими, чем бесы, или таких, кто может воспринять сразу [все] их коварство.

6. Есть восемь основных помыслов, которыми объемлются все [другие] помыслы. Первый помысел – чревоугодия, а за ним [следует] помысел блуда; третий – сребролюбия; четвертый – печали; пятый – гнева; шестой – уныния; седьмой – тщеславия, а восьмой – гордыни. От нас не зависит то, чтобы все эти помыслы досаждали или, наоборот, не тревожили нас; однако от нас зависит то, чтобы они задерживались или, наоборот, не задерживались в нас, чтобы они приводили или не приводили в движение страсти.

7. Помысел чревоугодия внушает монаху поскорее отступить от подвижничества: он представляет [иноку его больной] желудок, печень, селезенку или же [описует] водянку, а также [иные] продолжительные болезни, [указывая на] недостаток необходимых [вещей] и на отсутствие врачей. Часто он возбуждает воспоминание о тех братиях, которые подверглись подобным страданиям. Бывает и так, что он побуждает пострадавших подходить к постникам и рассказывать о своих несчастьях, которые якобы случились вследствие [излишнего] подвижничества.

8. Бес блуда принуждает разжигаться похотью к различным [телам] и наиболее сильно нападает на тех, которые живут целомудренной жизнью, дабы они, [подумав, будто] ничего не добились этим, прекратили воздержание. И, оскверняя душу, этот бес склоняет ее на постыдные дела,

заставляет ее говорить некие [срамные] слова и как бы слушать в ответ [таковые же], словно все происходит на самом деле и зримым образом.

9. Сребролюбие внушает [мысль] о долгой старости, немощи рук, неспособных уже трудиться, будущем голоде и болезнях, скорбных тяготах бедности и о том, сколь постыдно принимать от других [все] необходимое.

10. Печаль иногда возникает при лишении желанного, а иногда следует за гневом. В первом случае она происходит так: сначала душой завладевают некие помыслы, заставляющие ее вспоминать о доме, родителях и прежней жизни. Когда они видят, что душа не противится им, но следует за ними и расслабляется мысленными наслаждениями, тогда хватают ее и погружают в печаль, [вызванную сознанием того], что прежнего нет и не может быть в настоящей жизни. И несчастная душа, насколько она расслабляется первыми помыслами, настолько же подавляется и смиряется вторыми.

11. Гнев есть наиболее стремительная страсть. Говорится, что он есть кипение или движение яростного начала [души] против обидчика или кажущегося таковым. Он раздражает душу на протяжении дня, но особенно улавливает ум во время молитв, представляя лик опечалившего. Бывает, что когда гнев надолго задерживается и превращается в злобу, то он и ночью причиняет волнения, изнеможение и бледность тела, а также нападения ядовитых гадов. Эти четыре [явления], вытекающие из злобы, сопровождаются, как [легко] можно обнаружить, многочисленными помыслами.

12. Бес уныния, который также называется "полуденным» (Пс. 90:6), есть самый тяжелый из всех бесов. Он приступает к монаху около четвертого часа и осаждает его вплоть до восьмого часа. Прежде всего этот бес заставляет монаха замечать, будто солнце движется очень медленно или совсем остается неподвижным, и день делается словно пятидесятичасовым. Затем бес [уныния] понуждает монаха постоянно смотреть в окна и выскакивать из келии, чтобы взглянуть на солнце и узнать, сколько еще осталось до девяти часов, или для того, чтобы посмотреть, нет ли рядом кого-либо из братии. Еще этот бес внушает монаху ненависть к [избранному] месту, роду жизни и ручному труду, а также [мысль] о том, что иссякла любовь и нет никого, [кто мог бы] утешить его. А если кто-нибудь в такие дни опечаливает монаха, то и это бес [уныния] присовокупляет для умножения ненависти. Далее [сей] бес подводит монаха к желанию других мест, в которых легко найти [все] необходимое [ему] и где можно заниматься ремеслом менее трудным, но

более прибыльным. К этому бес прибавляет, что угождение Господу не зависит от места, говоря, что поклоняться Ему можно повсюду (Ин. 4:21–24). Присовокупляет к этому воспоминание о родных и прежней жизни; изображает, сколь длительно время жизни [сей], представляя пред очами труды подвижничества. И, как говорится, он пускается на все уловки, чтобы монах покинул келию и бежал со [своего] поприща. За этим бесом уже не следует сразу другой бес, а поэтому после борения [с ним] душу охватывает неизреченная радость, и она [наслаждается] мирным состоянием.

13. Помысел тщеславия – наитончайший, и он сопутствует тем, кто легко преуспевает [в духовном делании], желая сделать общим достоянием их подвиги и ища «славы человеческой» (1Фес. 2:6). Он [заставляет монаха] воображать, как кричат [изгоняемые из одержимых] бесы, как исцеляются женщины и как толпа прикасается к [его] одеждам; затем прорицает ему священство и [массу народа], стоящую у дверей и жаждущую [увидеть] его. И возбудив таким образом [монаха] пустыми надеждами, [помысел тщеславия] улетает, оставив его на искушения либо бесу гордыни, либо бесу печали, который наводит на монаха помыслы, противоположные [прежним] надеждам. Бывает, что он передает бесу блуда и святого иерея, [попавшего] в узы [греха].

14. Бес гордыни есть тот, кто ввергает душу в самое тяжкое падение. Он убеждает ее не признавать Бога Заступником, но считать саму себя за причину преуспеваний, превозносясь над братьями, как несмысленными, поскольку они этого не знают. За гордыней следуют гнев, печаль и, как самое конечное зло, исступление ума, сумасшествие и видение в воздухе множества бесов.

15. Когда ум начинает блуждать, то его останавливают чтение [Священного Писания], бдение и молитва; когда воспламеняется желательное начало души, то его гасят голод, труд и отшельничество; а когда взбаламучивается яростное начало души, то его успокаивают псалмопение, долготерпение и милосердие. Но [все] это должно происходить в подобающее время и в надлежащей мере, ибо случающееся без соблюдения меры и не вовремя – непродолжительно, а то, что непродолжительно, – вредно и бесполезно.

16. Когда наша душа желает различных яств, тогда нужно ограничить ее хлебом и водой, дабы она могла быть благодарной и за один [малый] ломтик [хлеба]. Ибо сытость жаждет разнообразных видов пищи, а голод и насыщение хлебом считает за блаженство.

17. Недостаток воды весьма способствует целомудрию. И пусть тебя в

этом убедят триста израильтян, победивших вместе с Гедеоном мадианитян (Суд.7:5–7).

18. Как невозможно допустить, что жизнь и смерть одновременно оказываются в одном и том же человеке, так нельзя и [предположить], что любовь и богатство сосуществуют в ком-либо. Ибо любовь повергает в прах не только богатство, но и саму преходящую жизнь нашу.

19. Избегающий мирских наслаждений есть неприступная твердыня для беса печали. Ибо печаль есть лишение наслаждения, настоящего или ожидаемого. Поэтому мы не сможем отразить этого врага, если имеем пристрастие к чему-либо земному. Ведь он ставит [свои] западни и вызывает [в нас] печаль там, где видит нас наиболее склонными [к чему-либо].

20. Гнев и ненависть способствуют росту яростного начала [в Душе], а сострадание и кротость уменьшают его.

21. «Солнце да не зайдет во гнев вашем» (Еф. 4:26), дабы приступающие ночью бесы не испугали душу и не сделали ум более робким в [духовной] брани, [предстоящей ему] на следующий день. Ведь из смятения яростного начала [души] возникают ужасные ночные видения, и ничто не делает ум [таким трусливым] дезертиром, как приведенная в смятение ярость.

22. Когда, ухватившись за какой-нибудь повод, яростная часть нашей души приходит в смятение, тогда бесы начинают внушать нам, что отшельничество есть [дело] доброе, дабы мы, не устранив причины печали, не избавились и от смятения. Когда же возбуждается желательная [часть души], тогда [бесы стараются] сделать нас человеколюбивыми, называя жестокими и дикими чтобы мы, испытывая желание к телам, общались с телами. Однако нельзя поддаваться убеждениям бесов, но следует делать противоположное [тому, что они внушают].

23. Не отдавай себя помыслу гнева, мысленно сражаясь с тем, кто тебя обидел. Также [не предавай себя и помыслу] блуда мечтая постоянно о наслаждении. Первый помысел омрачает душу, а второй призывает ее к разжиганию страсти, но оба оскверняют ум твой. А поэтому, если ты во время молитвы рисуешь в своем воображении призрачные образы, а не приносишь Богу чистую молитву, ты сразу же попадешь под [власть] беса уныния, который именно при таких состояниях и набрасывается [на нас], подобно псу, похищая душу, словно олененка.

24. По природе своей яростному началу [души] свойственно сражаться с бесами и бороться за какое-либо наслаждение. Поэтому Ангелы внушают нам духовное наслаждение и [возникающее] из него

блаженство, призывая нас обращать [свою] ярость против бесов. Наоборот, бесы влекут нас к "мирским похотям» (Тит. 2:12), заставляя яростное начало вопреки природе сражаться с людьми, дабы ум, омрачившись и отпав от ведения, стал предателем добродетелей.

25. Будь внимателен, дабы, прогневавшись на какого-либо брата, не прогнать его. Иначе ты в [здешней] жизни своей не убежишь от беса печали, который во время молитвы всегда будет преткновением для тебя.

26. Дары тушат памятозлобие. И пусть тебя убедит в этом Иаков, укротивший дарами Исава, который шел навстречу ему с четырьмястами [мужами] (Быт. 32:3–21, 33:1–16). Но мы, бедные, можем исполнить потребное трапезой.

27. Когда мы попадем в руки беса уныния, тогда, разделив душу слезами на [две части] – утешающую и утешаемую, посеем в себе благие надежды и вместе со святым Давидом воспоем: «Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповай на Бога, ибо я буду еще славить Его, Спасителя моего и Бога моего» (Пс. 41:6).

28. Во время искушений нельзя покидать келию, придумывая благовидные предлоги, но следует оставаться внутри [нее], терпеливо и мужественно перенося всех нападающих, особенно беса уныния, который, будучи самым тяжелым из всех [бесов], делает зато душу весьма испытанной. Ибо избегать таковых борений – значит научить ум быть неискусным, робким и склонным к бегству.

29. Святой и преуспевший в духовном делании учитель наш говорил: «Монах всегда должен быть настроен так, словно он завтра умрет, а телом своим должен пользоваться так, словно оно будет жить с ним многие годы». Это, по его словам, с одной стороны, пресекает помыслы уныния и делает монаха более ревностным, а с другой – сохраняет тело в здравии и позволяет пребывать ему в постоянном воздержании.

30. Трудно избежать помысла тщеславия. Ибо то, что ты делаешь для уничтожения его, это же становится для тебя началом других [всплесков] тщеславия. Ведь не всякому правому помыслу противятся [одни лишь] бесы, но некоторым противостоят и [наши] пороки, в которых мы уже обвыкли.

31. Я замечал, что бес тщеславия изгоняется почти всеми другими бесами, а когда они терпят крах, то он бесстыдно подступает к монаху, являя ему величие [его] добродетелей.

32. Достигший ведения и испытавший наслаждение от плодов его уже не будет поддаваться убеждениям беса тщеславия, предлагающего ему все утехы мира. Ибо что может обещать он более великое, чем духовное

созерцание? Но поскольку мы еще не отведали ведения, будем со всем рвением осуществлять [духовное] делание, показывая Богу, что целью наших деяний является ведение Его.

33. Вспомни о своей прежней жизни, своих старых прегрешениях и о том, как, будучи страстным, ты по милости Христовой перешел к бесстрастию и как мир, из которого ты вышел, многожды и многими [скорбями] смирял тебя. Поразмышляй и о следующем: Кто хранит тебя в пустыне? Кто прогоняет бесов, скрежещущих на тебя зубами своими? Такие помыслы внушают смиренномудрие и не допускают беса гордыни.

34. Если мы имеем страстные воспоминания о каких-либо вещах, то это значит, что эти вещи мы прежде восприняли со страстью. И наоборот, о том, что мы восприняли со страстью, будем иметь страстные воспоминания. Поэтому победивший бесов, приводящих в действие [страсти], презирает и производимое ими. Ибо нематериальная брань тяжелее материальной.

35. Страсти души имеют истоки в людях, страсти же тела – в теле. И телесные страсти пресекает воздержание, а душевные – духовная любовь.

36. [Бесы], стоящие во главе душевных страстей, упорно ведут [брань] до самой смерти; [бесы же, стоящие во главе] телесных [страстей], отступают скорее. И одни бесы, подобные восходящему или заходящему солнцу, касаются [лишь какой-либо] одной части души; бес же полуденный обычно охватывает всю душу и удушает ум. Поэтому отшельничество сладостно после извержения страстей: тогда остаются только чистые воспоминания и [духовная] брань prepares монаха уже не к подвижничеству, а к созерцанию.

37. Требуется рассмотрения вопрос: мысль приводит в движение страсти, или страсти – мысль? Некоторые склоняются к первому мнению, а некоторые – ко второму.

38. Страсти могут приводиться в движение чувствами, и если есть любовь и воздержание, то они не приводятся в движение, а если нет – то приводятся. И [для излечения] яростного начала [души] требуется больше лекарств, чем [для излечения] желательного начала. Потому любовь и называется большей (1Кор. 13:13), что она является уздой ярости. И святой Моисей в сочинении, посвященном естественному созерцанию, символически именуется любовь "офиомахом" (Лев.11:22).

39. В ответ на господствующее среди бесов зловоние душа, воспринимая приближение их, обычно воспаляется помыслами, обвыкшись в докучающей ей страсти.

40. Не во всякое время можно исполнять обычное правило, но следует

обращать внимание на обстоятельства и стараться наилучшим образом осуществлять доступные исполнению заповеди. [Однако следует знать, что] эти обстоятельства не остаются неведомыми и для бесов. Поэтому, будучи настроены против нас, они препятствуют осуществлять возможное, а невозможное принуждают нас делать. Так, больным они мешают благодарить [Бога] за страдания и быть терпеливыми к ухаживающим за ними; ослабленных склоняют к строгому посту, а отягощенных [летами] призывают совершать псалмопение стоя.

41. Когда мы бываем вынуждены на короткое время задерживаться в городах и селениях, тогда, общаясь с мирскими [людьми], мы должны более усердно предаваться воздержанию, дабы ум наш, одебелившись и лишившись вследствие сложившихся обстоятельств обычного своего радения, не совершил бы чего-нибудь нежелательного и не стал беглецом под ударами бесов.

42. При искушении не приступай к молитве, не сказав несколько гневных слов угнетающему [тебя бесу]. Ибо душа твоя, обвыкнув в [худых] помыслах, не может отдаться чистой молитве. Но если ты с гневом скажешь что-нибудь бесам, то уничтожишь и изгладишь мысли, [внушенные твоими] супротивниками. Ведь гнев способен производить подобное уничтожение и [тогда, когда он обращается] на благие мысли.

43. Следует знать различия между бесами и замечать времена [их появления]. Из помыслов мы познаем, которые из бесов редки и наиболее тягостны, которые постоянны и более легки, которые налетают сразу и похищают ум, [заставляя его] богохульствовать, а помыслы [станут ведомы нам] из деяний. Сие следует знать, дабы когда помыслы станут приводить в движение собственные вещества и до того, как мы будем извергнуты из свойственного нам состояния, мы смогли бы произнести некие [слова] и обозначить предстоящего перед нами в данный момент беса. Ибо таким образом мы и сами легко, с Божией помощью, преуспеем [в духовом делании], и бесов приведем в изумление, заставив их, удрученных, отлететь от нас.

44. Когда борющиеся с монахами бесы ослабевают, тогда они, немного отступив, начинают выслеживать, какая из добродетелей остается на время в пренебрежении, и, пользуясь этим, внезапно нападают [на инока], растерзывая несчастную душу.

45. Лукавые бесы привлекают на помощь себе более лукавых, чем они, бесов. И хотя [различные] бесы по своему настроению часто противостоят друг другу, они созвучны в одном – [в стремлении] погубить душу.

46. Пусть не приводит нас в смятение бес, возбуждающий ум к богохульству и к тем запретным мечтаниям, о которых я не осмеливаюсь даже написать; и не позволим ему истреблять наше рвение. Ибо Господь есть «Сердцеведец» (Деян.1:24) и ведает, что мы и пребывая в мире [сем], не можем впасть в подобное безумие. Ведь целью этого беса является прекращение нашей молитвы, дабы мы не предстояли пред Господом Богом нашим и не смели бы думая о таковых [вещах], простирать свои руки [к Нему].

47. Признаком душевных страстей становится либо произнесенное слово, либо движение тела, благодаря которым враги [наши] узнают, имеем ли мы внутри себя помыслы их и мучаемся ли от них, или же, извергнув эти помыслы, печемся о спасении своем. Ибо один только Бог, сотворивший нас, знает ум наш, и Он не нуждается во [внешних] признаках для того, чтобы ведать сокрытое в сердце [нашем].

48. С мирскими людьми бесы ведут брань больше посредством вещей, с монахами же – преимущественно посредством помыслов, ибо в пустыне [подвижники] лишены вещей. И насколько легче согрешить в мысли, чем на деле, настолько тяжелее мысленная брань брани, возникающей через вещи. Ибо ум легкоподвижен и неудержим [в своем стремлении] к беззаконным мечтаниям.

49. Нам не было повелено постоянно работать, бодрствовать и поститься, но было заповедано «непрестанно молиться» (1Фес. 5:17), потому что те [деяния] исцеляют страстную часть души, хотя для работы требуется тело, которое по своей немощи [не всегда] способно к трудам; молитва же делает ум чистым и крепким для борьбы и ей присуще [обращаться к Богу] и без этого тела, а также сражаться с бесами за все силы души.

50. Если кто из монахов желает на опыте изведать свирепых бесов и постигнуть навык их ремесла, пусть он наблюдает за помыслами, замечает напряжение и ослабление их, сплетения и времена их. [Пусть он следит], какие из бесов производят это, какой бес следует за каким и какой не идет по стопам другого. И пусть он взыскует у Христа логосы этих [вещей]. Ибо [бесы] весьма негодуют на тех, кто предается [духовному] деланию ведущим образом, желая «во тьме стрелять в правых сердцем» (Пс. 10:2).

51. Наблюдая за бесами, ты найдешь среди них двух наиболее стремительных, которые опережают движение нашего ума: беса блуда и беса, улавливающего нас на богохульство. Однако второй бес – кратковременный, а первый, если приводимые им в движение помыслы не сопровождаются страстью, не препятствует нашему ведению Бога.

52. Тело отделить от души может только Тот, Кто их сочетал, а отделить душу от тела может и тот, кто стремится к добродетели. Ибо отцы наши называют отшельничество попечением о смерти и бегством от тела.

53. Те, которые злоупотребляют прокормлением плоти и попечение о ней превращают похоть (Рим. 13:14), пусть упрекают самих себя, а не ее. А те, которые посредством этого тела стяжают бесстрастие и устремляются, в той или иной мере, к созерцанию сущих, знают благодать Творца.

54. Когда в ночных сновидениях бесы ведут брань с желательным началом [души], то они являют нам (а мы воспринимаем) встречи с [нашими прежними] знакомыми, пиры у сродников, хороводы женщин и другие подобные [вещи], приносящие наслаждения. Тогда эта часть нашей [души] заболевает, и в ней начинает преобладать страсть. Когда же [бесы] приводят в смятение яростное начало [души], то заставляют [нас] шествовать [труднодоступными] горными путями, наводят [на нас] вооруженных мужей, ядовитых [змей] и плотоядных зверей. Мы же, устрашаемые [этими] путями, пустившиеся в бегство от страха перед зверями и [вооруженными] мужами, должны позаботиться о яростной части [души] и, призывая в бдения Христа, употребить [все те] лекарства, о которых речь шла выше.

55. Естественные движения тела во время сна, не сопровождающиеся видениями, указывают на то, что душа в некоторой мере здорова, а если образы принимают четкую форму, то это служит признаком недуга души. Неопределенные же лики считай за знак старой страсти, а обретшие ясные черты – за примету уязвления [страстью] в настоящем.

56. Признаками бесстрастия днем служат помыслы, а ночью – сновидения. И мы говорим, что бесстрастие есть здоровье души, а питанием [ее] является ведение, которое одно только и имеет обыкновение сочетать нас со святыми Силами, поскольку соединение нетелесных [существ] происходит вследствие подобного внутреннего расположения [их].

57. Есть два мирных состояния души: одно происходит от естественных семян, другое – когда удаляются бесы. За первым следует смиренномудрие вместе с сокрушением, слезы, беспредельная томительная любовь к Божеству и безмерное усердие к труду; за вторым – тщеславие вместе с гордыней, которые увлекают монаха в пагубные [западни] остальных бесов. Поэтому тот, кто бдительно стоит на страже границ первого состояния, быстро узнает о набегах бесов.

58. Бес тщеславия противостоит бесу блуда, и нельзя допустить, чтобы оба они одновременно нападали на душу, ибо один обещает честь, а другой производит бесчестие. Поэтому когда какой-нибудь из них, приблизившись, начнет теснить тебя, ты представь себе помыслы противоположного беса, и, если сможешь, по поговорке, выбить клин клином, то знай, что ты уже близок к границам бесстрастия. Ибо ум способен человеческими силами истребить помыслы бесов. Но когда посредством смиренномудрия отгоняется помысел тщеславия, а посредством целомудрия – помысел блуда, то это уже служит признаком глубочайшего бесстрастия. Сие постарайся осуществить в отношении всех противостоящих друг другу бесов и одновременно узнаешь, в какой страсти ты больше обвык. Однако проси у Бога, насколько можешь, [чтобы Он дал тебе силы] отразить врагов вторым способом.

59. По мере преуспевания души против нее выступают все более сильные противники. Ибо я не верю, что около нее всегда остаются те же самые бесы. Это знают лучше те, которые [своим духовным оком] быстро постигают [случающиеся] искушения и видят, как принадлежащее им бесстрастие подвергается мощным ударам следующих друг за другом [бесов].

60. Совершенное бесстрастие рождается [в душе] после победы над всеми бесами, противоборствующими духовному деланию; несовершенное же бесстрастие, как говорится, соизмеряется с силой борющегося с ним беса.

61. Ум не может отправиться в свое прекрасное путешествие и достичь области нетелесных [сущностей], если он не навел порядок внутри [себя]. Ибо домашние неурядицы обычно заставляют его вернуться туда, откуда он вышел.

62. И добродетели, и пороки делают ум слепым: первые, дабы он не видел пороков, а вторые, чтобы он не зрил добродетелей.

63. Когда ум начинает нерассеянно молиться, тогда вся [духовная] брань, ночью и днем, сосредотачивается вокруг яростной части души.

64. Признаком бесстрастия является то, что ум начинает зрить собственное сияние, пребывает безмолвным в отношении к призракам сновидений и безмятежно взирает на [все] вещи.

65. Ум становится сильным тогда, когда во время молитвы он не представляет в воображении ничего из принадлежащего миру сему.

66. Ум, с помощью Божией успешно осуществляющий [духовное] делание и приблизившийся к ведению, мало или вовсе не чувствует того, что относится к неразумной части души, ибо ведение восхищает и

возносит его горе, отделяя от всего чувственного.

67. Бесстрастием обладает не та душа, которая не испытывает никакой страсти по отношению к вещам, но та, которая остается невозмутимой даже в отношении воспоминаний о них.

68. Совершенный [муж] не воздерживается, а бесстрастный не терпит, ибо терпение присуще страдающему, а воздержание – докучаемому [помыслами].

69. Великое дело – молиться нерассеянно, но еще более великое – петь псалмы нерассеянно.

70. Твердо укрепивший в себе добродетели и срастворившийся с ними уже не помнит о законе, заповедях и наказании, но говорит и поступает так, как подсказывает [приобретенный им] наилучший навык.

71. Бесовские песни приводят в движение нашу похоть и ввергают душу в постыдные мечтания. Псалмы же, славословия и песнопения духовные (Еф. 5:19) призывают ум всегда помнить о добродетели, охлаждая кипящую ярость и гася желания.

72. Подобно тому, как борющиеся сжимают в тисках объятий [своих соперников] и сами сжимаются ими, так и вступающие с нами в схватку бесы также сдавливают нас, но одновременно и сами сдавливаются нами. Ибо [Псалмопевец] говорит: «поражаю их, и они не могут встать» (Пс. 17:39). И еще: «злодеи, противники и враги мои... сами преткнутся и падут» (Пс. 26:2).

73. Отдохновение сопряжено с мудростью, а [подвижнический] труд – с благоразумием. Ибо нельзя стяжать мудрость без [духовной] брани, и нельзя успешно пройти эту брань без благоразумия. Ведь благоразумию вверено противостоять ярости бесов, оно заставляет силы души действовать в соответствии с природой и подготавливает путь для мудрости.

74. Искушением монаха является помысел, который, поднимаясь через страстную часть души, омрачает ум.

75. Грехом монаха является согласие на оправдываемое [умом] наслаждение, [которое предлагает] помысел.

76. Ангелы радуются, когда уменьшается порок, бесы – когда [уменьшается] добродетель. Ибо первые суть служители сострадания и любви, а вторые – покорные рабы гнева и ненависти. Первые, приближаясь, преисполняют нас духовным созерцанием, а вторые, подходя, ввергают душу в постыдные мечтания.

77. Добродетели не пресекают нападений бесов, но сохраняют нас невредимыми от них.

78. Делание есть духовный метод, очищающий страстную часть души.

79. Для совершенного исцеления сил души недостаточно [одного] осуществления заповедей, если ум не унаследует еще соответствующие им и друг другу созерцания.

80. Невозможно противостоять всем тем помыслам, которые внушают нам Ангелы, но возможно отвергнуть все помыслы, внушаемые бесами. Ибо за первыми помыслами следует мирное состояние [души], а за вторыми – [состояние] смятения.

81. Любовь есть порождение бесстрастия; бесстрастие есть цвет [духовного] делания; духовное [делание] создается соблюдением заповедей; стражем заповедей является страх Божий, рожденный правой верой. Вера же есть внутреннее благо, которому присуще существовать и в тех [людях], которые еще не уверовали в Бога.

82. Как душа, действуя через тело, чувствует немощные члены, так и ум, осуществляя свойственную ему деятельность, познает собственные силы и посредством того, что препятствует ему, находит исцеляющую душу заповедь.

83. Ум, ведущий страстную брань, не постигает созерцанием логосы этой брани и подобен сражающемуся в ночи. Стяжавший же бесстрастие легко распознает козни врагов.

84. Пределом [духовного] делания является любовь, пределом же ведения – богословие; началом первого служит вера, а [началом второго] – естественное созерцание. И те из бесов, которые соприкасаются со страстной частью души, являются, как говорят, противниками [духовного] делания, а те, которые докучают разумной [части души], называются врагами всякой истины и неприятелями [всякого истинного] созерцания.

85. Ничто из того, что очищает тела, не остается после этого с очищенными, а добродетели, очистив душу, пребывают после этого вместе с ней, очищенной.

86. Разумная душа действует в соответствии с природой, когда желательная часть ее устремляется к добродетели, яростная же часть сражается за эту добродетель, а разумная часть обращается к созерцанию тварных вещей.

87. Преуспевающий в духовном делании умягчает страсти, а преуспевающий в созерцании [умячает] неведение. Что касается страстей, то некогда произойдет совершенная гибель их, а что касается неведения, то одни говорят, что есть предел ему, а другие – что такового предела нет.

88. Вещи, которые в зависимости от употребления являются благими или дурными, производят или добродетели, или пороки. И делом

благоразумия является направление такого употребления к стяжанию либо добродетелей, либо пороков.

89. Согласно мудрому учителю нашему, разумная душа – трехчастна. Находясь в разумной части души, добродетель называется благоразумием, разумением и мудростью; в желательной части – целомудрием, любовью и воздержанием; в яростной части – мужеством и терпением; во всей же душе – праведностью. Дело благоразумия – вести войну против супротивных сил, защищать добродетель, противостоять порокам и распоряжаться вещами средними, сообразуясь с обстоятельствами; дело разумения – надлежащим образом управлять всем тем, что способствует нам в достижении [высшей] цели; дело мудрости – созерцать логосы телесных и нетелесных [вещей]; дело целомудрия – бесстрастно созерцать вещи, возбуждающие в нас неразумные мечтания. Дело любви – предоставлять себя каждому образу Божию почти так же, как и Первообразу, даже если бесы и стараются осквернить эти образы; дело воздержания – с радостью отвергать всякое наслаждение, приносимое вкушением пищи; дело терпения и мужества – не бояться врагов, ревностно и стойко противостоять опасностям; дело праведности – добиваться созвучия и гармонии частей души.

90. Плод семян – жатва, а добродетелей – ведение. И как посеву семян сопутствуют слезы, так и жатве – радость.

91. Необходимо расспрашивать о путях, которыми правильно шествовали до нас монахи, и самим направляться по ним. Ибо в том, что они говорили и делали, можно найти много хорошего. Среди прочего, один из них говорит: «Строгий и равномерный пост, сопряженный с любовью, быстро приводит монаха в гавань бесстрастия». Он же избавил одного из братии от ночных кошмаров, приводивших [его душу] в смятение, повелев ему присоединить к посту еще и уход за немощными [иноками]. Вопрошаемый [на сей счет] старец сказал: «Ничто так не гасит подобные страсти, как милосердие».

92. К праведному Антонию пришел некто из тогдашних мудрецов и сказал: «Как выдержишь ты, отче, лишенный утешения, [получаемого] от книг?» Тот же ответил: «Книга моя, философ, есть природа сотворенных [вещей], и она всегда под рукой, когда хочу я прочитать слова Божии».

93. «Избранный сосуд» (Деян. 9:15), египетский старец Макарий спросил меня: «Почему, злопамятствуя на людей, мы умаляем силу памятования души, а злопамятствуя на бесов, не терпим никакого ущерба?» И я, затрудняясь с ответом, попросил его объяснить причину

этого. Тогда он сказал: «Потому что первое [памятозлобие] противоречит естеству яростного [начала души], а второе – соответствует ему».

94. Как-то в самый жаркий полдень, когда солнце стояло в зените, я пришел к святому отцу Макарию и, томимый жаждой, попросил у него воды напиться. Он же сказал: «Для тебя достаточно и тени, ибо многие путешествующие и плавающие в сей момент лишены и ее». Затем, когда я завел речь о воздержании, он сказал: «Будь мужественным, сын [мой]: целые двадцать лет не вкушал я до сытости ни хлеба, ни воды, ни сна. Ибо хлеб я ел, отвешивая [малый кусок]; воду пил, отмеривая [малой] мерой; а малую толику сна урывал, прислонившись к стене».

95. Одному монаху пришла весть о смерти отца. Но он сказал принесшему ее: «Перестань богохульствовать, ибо мой Отец – бессмертен».

96. Некий брат спросил одного старца: разрешает ли он ему, придя домой, есть с матерью и сестрами? [На это старец] ответил: «С женщиной не вкушай пищи».

97. Один из братии имел только Евангелие, но и его он продал, отдав [деньги] на пропитание алчущим. При этом он произнес достопамятное изречение: «Я продал ту книгу, которая говорит мне: «Продай имение твое и раздай нищим» (Мф. 19:21).

98. Близ Александрии есть остров, расположенный в северной части озера, именуемого Мареотским. На нем обитал [один] монах, наиболее испытанный из [всего] воинства гностиков. Он говорил, что все совершаемое монахами делается по пяти причинам: ради Бога, ради природы, по обычаю, по необходимости и ради [нужды] трудиться руками. Еще он говорил: по природе [своей] добродетель – едина; она обретает различные виды в силах души подобно тому, как солнечный свет, будучи бесформенным, обычно приобретает форму тех отверстий, через которые он проникает [внутрь помещений].

99. Другой монах говорил: «Я потому лишаю себя наслаждений, чтобы пресечь [всякие] мотивы для гнева. Ибо я знаю, что яростное начало [души] всегда сражается за наслаждения, приводит в смущение мой ум и прогоняет ведение». А один из старцев говорил: «Любовь не умеет беречь порученных на хранение запасов еды и денег». Он же изрек: «Я не знаю [случая], чтобы бесы обманули меня дважды относительно одного и того же».

100. Невозможно любить одинаково всю братию, но возможно со всеми обходиться бесстрастно, будучи свободным от памятозлобия и ненависти. После Господа [больше всех] следует любить иереев,

очищающих нас святыми Таинствами и молящихся о нас; старцев же наших мы должны почитать, как Ангелов, ибо они намащивают нас маслом для [духовных] борений и исцеляют от укусов диких зверей.

Эпилог

Вот, возлюбленный брат Анатолий, что могу сказать я ныне о духовном делании. Это все, что нашли мы, по благодати Святого Духа, на ветвях виноградника нашего, собирая с него спеющий урожай. Если же «Солнце правды» (Мал.4:2), стоя в зените, будет освещать нас и виноградные гроздья станут совсем спелыми, тогда испием и сделанное из этого винограда вино, веселящее «сердце человека» (Пс. 103:15), благодаря молитвам и заступничеству праведного Григория, насадившего меня, и святых отцов, ныне поливающих меня (1Кор.3:6–7), а также благодаря силе взрастившего меня Христа Иисуса Господа нашего, Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

Содержание

Слово о духовном делании, или Монах Евагрий Понтийский	1
Пролог. Послание к Анатолию.	2
Слово о духовном делании	4
Эпилог	19